

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-51-65

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПАДЕЖЕЙ АУТОНОМНОГО МОДУСА ДИСКУРСА

Чикина Е. Е.

*Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Российская Федерация*

Аннотация

Цель исследования – выявить место падежей автономного модуса дискурса в общей дискурсивной конфигурации предложения, сопоставить дискурсивные позиции таких падежей с системой их значений.

Процедуры и методы. Основное содержание исследования составляет анализ дискурсивного характера падежей автономного модуса дискурса. В работе использованы описательный, сравнительный и сопоставительный методы исследования.

Результаты. По заключению автора статьи, номинатив создаёт причинное, аккузатив – пространственное, датив – целеполагающее измерение автономного модуса дискурса. Значения падежей возникают как осмысление их дискурсивных позиций, которые становятся денотатом для падежных значений.

Практическая значимость. В научный оборот введены понятие автономного модуса дискурса и представление о падеже как о дискурсообразующей грамматической категории. Представленные результаты могут быть использованы при дальнейшей разработке теории синтаксиса, а также применяться в педагогической практике при чтении курсов общего языкознания и теоретической грамматики.

Ключевые слова: грамматика, дискурс, падеж, предложение, семантика падежей, текст, типология

ON THE SPECIFICITY OF THE CASES OF AUTONOMOUS DISCOURSE MODUS

E. Chikina

*Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
ulitsa Gorkogo 87, Vladimir 600000, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the place of the cases of autonomous discourse modus in the general discursive configuration of the sentence, to compare the discursive positions of such cases with the system of their meanings.

Methodology. The main content of the study is the analysis of the discursive nature of the cases of autonomous discourse modus. Descriptive and comparative research methods are used.

Results. According to the author of the article, the nominative creates the causal, the accusative creates the spatial, the dative creates the goal-oriented dimension of the autonomous modus of discourse. Case meanings arise as a reflection of their discursive positions, which become the denotative for case meanings.

Research implications. The notion of autonomous discourse modus and the notion of case as a discourse-forming grammatical category are introduced into scientific circulation. The presented results can be used in future studies of the theory of syntax, as well as in pedagogical practice during the teaching courses of general linguistics and theoretical grammar.

Keywords: grammar, discourse, case, sentence, case semantics, text, typology

Введение

Грамматическая природа падежа до сих пор является нерешённой проблемой лингвистики. С одной стороны, в литературе часто постулируется особая роль падежа в грамматической системе вообще, и в системе имени в частности, например, А. Ф. Дрёмов характеризует падеж как «центральную, высшую грамматическую категорию имени, а систему падежей – как грамматическое ядро внутренней формы языка флективного типа» [5, с. 164]. С другой стороны, возможность создания системного и непротиворечивого объяснения функционирования падежей часто оценивается скептически, например, в работах О. Есперсена [6, с. 213] и А. М. Пешковского [20, с. 27].

Фундаментальная энциклопедия современных теорий и моделей падежей в языках мира “The Oxford handbook of case” свидетельствует, что исследования сущности и функций падежей в лингвистике лежат в сфере семантики [35]. Восходящие ещё к теории генеративной грамматики положения о глубинных семантических, актантно-синтаксических, функционально-семантических формулах, лежащих в основе комплекса падежных значений, – магистральная линия развития исследования падежей в настоящий момент. Даже подчёркивая исключительно или преимущественно морфологическую / синтаксическую роль падежей в предложении [6, с. 212; 16, с. 12; 24, с. 136–137; 31, с. 139]; исследователи всё равно оперируют понятиями синтаксической соотнесённости падежных словоформ, а значит, в конечном итоге, – понятиями грамматической семантики. Компромиссным вариантом может являться признание падежа семантико-морфологической категорией

[8, с. 284; 23, с. 324; 28, с. 7]. Именно в рамках семантико-морфологического подхода в настоящее время осуществляется моделирование падежных систем различных языков [3].

Однако для решения вопроса о грамматической природе и функциях падежей недостаточно принимать во внимание только семиотический план предложения. Природа предложения как основной минимальной единицы текста должна быть изоморфна природе текста в целом. Современные же исследования текста указывают помимо семиотической на его дискурсивную природу. Однозначного определения дискурса в настоящее время также не существует, но представляется целесообразным принять за основной дискурсивный признак текста его свойство конструировать новую реальность. По замечанию Е. С. Кубряковой, дискурс является феноменом «возможных миров», для создания которых используются особые языковые средства [10, с. 522; 531]. В. В. Красных указывает, что текст – это «объективная реальность, отличная от автора текста» [9, с. 208].

Если исходить из изоморфности природы текста и предложения, то предложение является одновременно сложным знаком и автономной реальностью. Причём соотноситься дискурсивная реальность предложения и его семиотическая структура должны как денотат и значение. Грамматические категории соответственно должны делиться на семиотические, т. е. создающие актантно-синтаксическую структуру предложения (на единство номинативного и синтаксического в грамматической категории указывает, в частности, Т. Б. Астен [2, с. 75]), и дискурсивные, т. е. создающие независимую от говорящего реальность.

По нашему мнению, падеж – это грамматическая категория имени, создающая определённые конфигурации дискурса. Не-семиотическая природа падежа позволяет снять нерешённую проблему семантических инвариантов падежных значений. Если падежные словоформы – это конфигурации дискурсивной реальности, то их значения, которые несомненно реальны, представляют собой варианты интерпретации реальности предложения в процессе наложения на неё семантической схемы высказывания.

Под элементами реальности дискурса необходимо в данном случае понимать не элементы его семантики, а маркеры объективного существования реальности дискурса. Эти маркеры, в свою очередь, должны быть изоморфны маркерам объективного существования нашей реальности, поскольку *homo sapiens* в состоянии конструировать реальность только по образцу той, в которой он существует.

Мы полагаем, что к маркерам реальности дискурса относятся три параметра: пространственный, причинно-следственный и целеполагающий. Возможность приложения этих критериев к объектам структуры дискурса доказывает их объективное бытие. Реализуются в дискурсе эти параметры не в рамках иерархической системы, сочетающей синтагматику и парадигматику, что характерно для сложного знака, а по принципу фрактального (самоподобного) объекта, которым и является дискурс.

Для грамматической категории падежа фрактальный принцип реализуется прежде всего в объективном наличии трёх проявляющихся конфигураций, назовём их модусами существования дискурса.

1. Автономный модус дискурса, относящийся к его независимому от говорящего существованию. В данном случае дискурс является своеобразной «вещью в себе», независимой замкнутой реальностью, обладающей пространственным измерением.

2. Когнитивный модус дискурса, относящийся к его причинно-следственному измерению. Он представляет собой канал связи с концептосферой автора (говорящего), результат лингвокреативной деятельности последнего. Концептосфера языковой личности здесь предстаёт как детерминант дискурса.

3. Коммуникативный модус дискурса, относящийся к его целеполагающему измерению. Реализация данного модуса открывает канал его связи с другими реальностями.

Соответственно, три маркера бытия дискурса, наложенные на три модуса его существования, создают матрицу, включающую в себя девять возможных позиций для падежных форм.

Представляется, что эти девять позиций должны быть универсальными для языков, обладающих грамматической категорией падежа. Однако число падежей в языках мира варьируется весьма широко. Расхождение в числе падежей в синхронической ситуации конкретного языка с «эталонной» матрицей объясняется двумя факторами.

Во-первых, определённые дискурсивные позиции могут быть нерелевантными для национальной концептосферы и не реализовываться наподобие запрещённых орбит для электронов в атоме.

Во-вторых, может наличествовать «сверхрелевантность» определённой позиции, которая вызывает необходимость уточнения и расширения возможных вариантов семантической интерпретации одной и той же конфигурации, что ведёт к увеличению числа падежей, некоторые из которых будут семантическими реализациями одной и той же дискурсивной позиции.

Верно также и обратное. Даже если значения синтаксических функций (как поверхностных, так и глубинных) одного и того же падежа значительно отличаются друг от друга, для дискурсивной конфигурации одна и та же падежная форма создаёт аналогичную конфигурацию

дискурса для всех возможных синтаксических функций падежа и связанных с ними актантно-семантических формул.

Рассмотрим возможные дискурсивные позиции падежей в предложенной выше матрице. Картина конфигурации девяти базовых падежей, релевантная для развёртывания дискурса, представлена в табл. 1.

При номинации предложения возникает сложный знак – синтаксическо-

актантная структура. Изначально она представляет собой означающее некоей внешней ситуации, реакцией на которую и является создание высказывания. Но одновременно с процессом семиозиса «работа» дискурсивных грамматических категорий запускает процесс формирования автономной реальности, которая подменяет изначальный денотат, занимающая его место.

Таблица 1 / Table 1

Дискурсивные позиции падежей / Discursive Positions of Cases

	Причинно-следственный маркер	Целеполагающий маркер	Пространственный маркер
Автономный модус дискурса	Nominativ	Dativ	Akkusativ
Когнитивный модус дискурса	Cenutiv	Instrumentalis	Lokativ
Коммуникативный модус дискурса	Ergativ	Ablativ	Vokativ

Таким образом, созданная в процессе лингвокреативной деятельности новая реальность дискурса становится денотатом для семантико-синтаксической структуры высказывания. Представляется, что в данном случае имеет место процесс, «противоположный» семиозису. Не знак является результатом интерпретации элемента реальности, т. е. денотата, а уже существующий знак с заданным значением выбирает себе денотат из числа доступных в процессе интерпретации пространственно-структурных конфигураций этого денотата.

Следовательно, говорить о системе падежных значений можно как о результате вторичной семантической интерпретации актантно-семиотическими элементами высказывания той или иной доступной данному языку дискурсивной конфигурации дискурса.

Рассмотрим падежи автономного модуса дискурса – номинатив, датив, аккумулятив, создающие независимую замкнутую реальность предложения.

Nominativ

Номинатив как независимый падеж представляет собой один из наиболее проблемных вопросов для классификации и анализа в рамках падежной системы. Ещё в античных грамматиках номинатив представлялся как некая «исходная форма» слова в отличие от остальных форм, и именуемых собственно падежами [1, с. 94]. Вслед за Аристотелем многие лингвисты отказывали именительному падежу в наличии специфического как семантического, так и грамматического значения, считая его непадежной формой [25, с. 317], формой, лишённой признака [31, с. 142], асинтаксической формой [20, с. 234]. При этом существует целый ряд работ, описывающих функционально-семантическую систему значений номинатива. Например, Е. В. Клобуков выделяет модальные, объектные, обстоятельственные значения именительного падежа [7]. С. А. Лутин, развивая функционально-инвариантную классификацию падежей, видит в качестве исходной функции номинатива маркирование имени генерато-

ра события [14, с. 36]. Однако в подобных работах номинатив рассматривается, исходя из глубинной семантики предложения, т. е. его актантно-синтаксического плана.

С точки зрения дискурсивной конфигурации, номинатив создаёт причинно-следственное измерение автономного модуса дискурса. Таким образом, в рамках дискурсивной логики, подлежащее в номинативе в составе предикатной пары – это причина создания реальности дискурса. Семантическая интерпретация данной дискурсивной позиции – указание на когнитивный центр пространства высказывания, прежде всего в номинативных языках. Семиотическое измерение предикативной пары – это внутренняя форма предложения как сложного знака. Соответственно, подлежащее в сочетании с предикатом в номинативных языках является в семантической структуре дискурса признаком, положенным в основу его номинации. Этот тезис коррелирует, в частности, с определением подлежащего У. Чейфа как некоторого объекта, принимаемого за «исходную точку» предложения [27, с. 300]. П. Шахтер, в свою очередь, определяя подлежащее, говорит о «главном герое пьесы (протагонисте)», о лице, «которое находится в центре событий» [30, с. 323]. Подробный обзор работ, описывающих подлежащее в номинативе как исходный пункт в семантике предложения, приводится в частности в книге С. А. Лутина «Система падежных функций в русском языке. Ч. 1. Падежи-генераторы» [14, с. 63].

При этом семантико-синтаксические различия активных и пассивных конструкций не имеют принципиального значения. Даже если грамматически или семантически подлежащее в номинативе может быть описано как объект воздействия некоего внешнего носителя действия, это не изменяет его дискурсивную конфигурацию. Например, в предложении *Дом строится рабочими* когнитивный центр высказывания акту-

ализируется лексемой *дом*. С точки зрения семиотического плана предложения в нём говорится именно о доме, семантическая схема развёртывается вокруг этого объекта, а номинатив подлежащего показывает, что *дом* – это причина возникновения внутренней реальности высказывания.

Точно такая же ситуация наблюдается в несобытийных высказываниях, семантически представляющих собой классические логические суждения:

Этот человек – преступник. Обстоятельство – это второстепенный член предложения.

Номинатив предикатива в данном случае не имеет самостоятельной дискурсивной позиции. Он обусловлен согласованием с подлежащим, что свидетельствует о включении предикатива в семантическую структуру субъекта. Признак *преступник* опционально приписывается объекту *этот человек*, становится дифференциальной семой в его семантической структуре. Гораздо интереснее ситуация регулярного для русского языка рассогласования субъекта и предикатива бытийных предложений в прошедшем и будущем времени, где предикатив встаёт в форму творительного падежа:

Этот человек – преступник. Этот человек был преступником. Этот человек будет преступником.

При принципиальной возможности постановки здесь предикатива в номинативе в конструкциях прошедшего и будущего времени ситуация использования творительного падежа в таких случаях встречается гораздо чаще, а следовательно, требует объяснения. Творительный падеж в представленной выше схеме занимает позицию целеполагающего / интерпретативного измерения когнитивного модуса дискурса. Иными словами, творительный падеж создаёт канал связи с концептосферой говорящего. Поэтому любое слово в творительном падеже является результатом приписывания говорящим главному слову в словосочетании

уникального смысла, реализующегося в конкретном предложении. Здесь актуализируется базовое социативное значение творительного падежа, фиксирующее, по определению Р. Мразека, «всякого рода отношения общности, совместности, т. е. совместного участия, связи двух явлений, сопровождающего проявления признака и т. п.» [18, с. 19].

В случае творительного падежа предикатива общая семантическая процедура остаётся неизменной. Предикатив, являясь, динамическим признаком субъекта, становится дифференциальной семой его семантической структуры в рамках предложения. Но вместо согласования возникает управляющая связь субъекта и предиката, акцентирующая интерпретирующий аспект их семантической связи. Поэтому признак, выраженный предикативом, в данном случае создаёт серьёзные изменения в возникающем сложном знаке *субъект + предикатив*, аналогичные возникновению производного значения лексем. Как представляется, творительный предикатива относится к метонимическому соположению субъекта и предикатива, осмыслению субъекта через предикатив в ситуации, когда семантика ситуации запрещает дискурсивную операцию их согласования. Поскольку этот запрет связан с временной соотнесённостью высказывания, допустимо предположить, что претендующее на истинность логическое суждение по типу *X есть Y* в русском языке характерно для настоящего времени, т. е. для актуальных или универсальных отождествлений. Для ситуации прошедшего или будущего времени подобные отождествления в большинстве случаев субъективны, зависят от говорящего, что и выражается дискурсивной позицией творительного падежа предикатива.

Согласующийся номинатив предикатива возникает и в распространённых в европейских языках конструкциях *Это есть X*. Указательное местоимение занимает в таком случае место когнитивно-го центра высказывания, т. е. субъекта,

стоит в номинативе, а существительное, выступающее в роли предикатива, согласуется с ним в падежной форме.

Например, *Это книга*.

Das ist der Apfel. 'Это яблоко' (Нем.).

Hoc opus, hic labor est 'вот в чем дело, вот где труд' (Лат.).

Конструкция *Это есть X* идентична конструкции *X есть Y*, поскольку лексема *это* представляет собой дейктический заместитель одного из двух взаимодействующих в данной семантической формуле актантов. Подобная схема реализуема и с другими именными частями речи в функции предикатива:

Это хорошо.

Это пять!

Однако, поскольку функция глагола-связки и заключается в координации взаимодействия двух объектов в реальности дискурса, потребность в такой связке пропадает в высказываниях, традиционно классифицируемых как именные односоставные назывные предложения. Значение номинатива в данном случае традиционно определяется в русской грамматике как номинатив представления, именительный темы [22, с. 419].

Особенность семантической схемы подобных высказываний заключается в том, что она практически соответствует механизму лексической номинации. Собственно, любое высказывание реализует номинативную функцию. Но назывные предложения, во-первых, несобытийны, а во-вторых, имеют в своей семантической схеме всего один актант, подвергающийся процедуре номинации. Вербализованное соотнесение некоего объекта из наблюдаемой внешней реальности или чувственно-эмоционального образа в ассоциативно-вербальной сети говорящего с лексемой, грамматически являющейся именем существительным, создаёт дискурсивную реальность высказывания. В подобных предложениях появление глагола невозможно. Поэтому, как представляется, в данном случае некорректно приписывать назывному предложению

функцию постулирования существования актанта, поскольку такая функция уже создаёт нормативную двусоставную предикативную пару, где эксплицитно или имплицитно должен присутствовать бытийный глагол, например:

У него неприятности. У него были неприятности.

В односоставных номинативных предложениях субъект и его дискурсивный признак (предикат) неотличимы и неотделимы друг от друга в семантической схеме высказывания. Так в высказываниях «Москва...» и «Москва.» вне зависимости от их функциональных различий говорится о Москве (субъект), и этот реально наблюдаемый объект или активированное в концептосфере говорящего представление обозначаются как Москва (предикат). То, что делает их независимыми языковыми реальностями, создаётся, в первую очередь, приписыванием всем назывным односоставным предложениям грамматической категории модальности. А в языках, обладающих грамматической категорией падежа для существительного, постановка субъекта высказывания в определённый падеж задаёт дополнительную дискурсивную конфигурацию высказывания. Наиболее распространённой является ситуация постановки субъекта назывного высказывания в именительный падеж. В данном случае номинатив соотносится с реализацией онтологической стратегии номинации – номинации по сути. Для языкового мышления, как известно, характерны два способа номинации – конвенциональный (по традиции) и онтологический (по сути). Номинация в процессе создания высказывания в отличие от лексической номинации всегда носит онтологический характер, задаёт совокупность таких свойств, без которых актант неспособен существовать в данном дискурсе. Подобное понимание сущности актанта соответствует появлению у него причинного измерения, создаваемого номинативом.

Назывная функция номинатива может реализовываться в семантической схеме предложения и в конструкциях типа:

Мы живём в гостинице «Россия».

У оперы «Севильский цирюльник» необычный финал.

В данном случае имена собственные, являясь определением других существительных в семантико-синтаксической схеме предложения, стоят в номинативе, хотя не имеют никакого отношения к субъектам приведённых высказываний. Приписывание объекту уникального имени соответствует осмыслению номинации как познанию его сущности, что требует в русском языке создания причинного измерения дискурса. Причём акцент делается на независимых и от говорящего, и от влияния внешних реальностей характеристиках именуемого объекта.

Как было указано выше, модальность – ярко выраженная черта односоставных именных предложений вне зависимости от падежных форм существительных. Достаточно часто модальность принимает императивный характер:

Спокойной ночи!

Свободу попугаям!

Спокойствие! Только спокойствие!

Иванов? – Я!

Последний из приведённых примеров представляет собой сочетание назывной функции и перлокутивного потенциала. Здесь именование объекта необходимо для привлечения его внимания и побуждения к совершению определённого действия. Как представляется, действующая прагматическая модель номинации как перлокутивного акта создала возможность возникновения вокативного номинатива в языках, где дискурсивная позиция вокатива потеряла релевантность и исчезла из возможного набора дискурсивных позиций имён. В индоевропейских языках, например, замена вокатива номинативом – типичная эволюция па-

дежной системы. При этом исчезновение вокатива не отразилось на функционировании в речи обращений, изменилась их дискурсивная интерпретация. Если конструкция древнерусского языка *О сыне!* в соответствии с дискурсивной позицией вокатива интерпретирует обращение как линейную связь с другой реальностью, пространственное измерение коммуникативного модуса дискурса, то замена вокатива номинативом переносит обращение в пространство автономного модуса дискурса, в семантическом плане высказывания присваивая ему функцию приписывания имени, чего не наблюдается в собственно вокативной конструкции.

Dativ

С. А. Лутин и И. К. Алексеева, обозначая инвариантную функцию современного дательного падежа русского языка как маркирование «зоны потенциальной фиксации результата события». При этом актант в дательном падеже, с одной стороны, не участвует в действии, а с другой стороны, причастен к нему [15, с. 29].

Более древний инвариант дательного падежа, по мнению авторов, – это указание на «партиципанта события, в зоне которого находится другой партиципant» [15, с. 29]. Выраженная объектность дательного падежа [21, с. 96] является, как представляется, свидетельством его роли в организации внутреннего модуса дискурса, где дательный падеж маркирует дискурсообразующие актанты с целеполагающими характеристиками. Дискурсивная трактовка дательного падежа позволяет объединить как объектные, так и обстоятельственные значения словоформ в дательном падеже, а также однозначно описать способ участия актанта в дательном падеже в общей семантической ситуации предложения.

Как представляется, любое слово в дательном падеже независимо от его синтаксической функции участвует в формировании автономного модуса дискурса, придавая реальности предложения

целеполагающее измерение. А поскольку Э. Гуссерль конституирует интенциональность как бытийный смысл предмета [4, с. 93], целеполагание целесообразно отождествлять со смыслополаганием.

Поэтому некорректно, на наш взгляд, относить дательный падеж к вторичным или периферийным падежам, как это делает, например, Е. Курилович [11, с. 196] или Р. Якобсон [31, с. 152]. Дискурсивная матрица падежей в принципе не предполагает существование некоей иерархии падежей, каждый из них занимает своё место в наборе возможностей создания дискурсивных конфигураций при порождении высказывания на том или ином языке. Этот тезис особенно важен в отношении дательного падежа, поскольку функционально-лексическая теория падежа, развиваемая в рамках генеративной грамматики [32], например, противоречиво трактует место дательного падежа в дихотомии структурных и семантических падежей. Как отмечается в литературе, «граница между грамматическими и семантическими падежами не является абсолютно жесткой» [17, с. 666]. Языковые данные свидетельствуют, что различные варианты употребления дательного падежа проявляют то ярко выраженную структурную функциональность, то однозначную семантическую соотнесённость [34, р. 573], для дательного падежа характерна «значительная свобода поведения в процессе речепроизводства» [19, с. 71]. Однако и в работах, основанных на структурно-семантической классификации падежей, можно увидеть указание на целеполагающую семантику датива. Например, Эшид Нэсс причисляет целеуказание к типичным функциям дательного падежа [34, р. 580]. Э. Вулфорд, разделяя падежи на структурные и неструктурные, а последние на лексические и ингерентные, также указывает на тесную связь дательного падежа с обозначением целей [36, р. 123].

Проблемы дихотомии «структурная vs лексическая соотнесённость» при ана-

лизе дательного падежа могут быть сняты, если любое слово в дательном падеже интерпретировать как смыслообразующий актант внутренней реальности дискурса. Например, в сочетаниях *угроза безопасности, приходится кому-либо отцом, написать сообщение начальнику* все слова в дательном падеже создают осмысление развёртывания внутренней реальности дискурса. В некоторых случаях целеполагающая / интерпретирующая перспектива дискурса может принимать вид наблюдателя, от которого зависит протекание действия.

Так происходит в сочетании *приходиться кому-либо отцом*, т. е. с точки зрения отца; *тут ему и конец пришёл*, т. е. конец пришёл не объективно, а для наблюдателя, выраженного дательным падежом.

Позиция наблюдателя, изменяющего протекание ситуации в мире, актуализируется и в эргативных конструкциях, когда дательный падеж соотносится с когнитивным центром высказывания (субъектом). А. В. Циммерлинг указывает при этом, что дательно-предикативные структуры русского языка в большинстве случаев «автореферентны и обозначают слабо контролируемые ситуации, допускающие интроспективное описание носителем состояния в актуальном настоящем времени» [26, с. 55]. Соответственно, русские конструкции *Мне плохо. Тут и сказочке конец* могут быть интерпретированы как эргативные конструкции с субъектом-интерпретантом в форме дательного падежа. Сходная ситуация имеет место, например, в грузинском языке с такими глаголами как *спать, скушать, завидовать, верить*, семантически, очевидно, соотносящимися со значением интерпретатора действия.

Akkusativ

Винительный падеж задаёт пространственное измерение автономного модуса дискурса. В семантической интерпретации позиция винительного падежа полу-

чает инвариантное значение пространственного предела действия глагола.

Как указывалось выше, теории падежа практически всегда рассматривали данную грамматическую категорию именно в семантически-синтаксическом аспекте. Связь винительного падежа с предикатом, с семантической валентностью глагола неизбежно бросается в глаза при семиотическом подходе. Поэтому достаточно часто указывалось на особое место винительного падежа в системе. Так, Е. Курилович ставит «грамматический» винительный падеж на первое место в падежной иерархии, относя его к скелету подлинных индоевропейских падежей [11, с. 195–196]. Ю. С. Степанов в диатезной теории падежей, в свою очередь, говорит о том, что «винительный падеж есть одновременно классификация типов переходности русского глагола» [24, с. 139]. Столь тесная связь винительного падежа с предикатом объясняется, однако, динамическим характером последнего. Именно предикат через глагольные дискурсивные категории даёт импульс к автономному развитию дискурса. Реальность дискурса, как и любая реальность, динамична по своей природе. Для своего развития из «точки отсчёта», по определению У. Чейфа, реальности необходимо пространство.

Несомненно, существует целый ряд грамматических способов упорядочить и сформировать внутреннее пространство дискурса, например, согласовательная связь в словосочетаниях, порядок слов и т. д. Но при наличии в языке категории падежа и существовании винительного падежа, т. е. пространственного измерения автономного модуса дискурса, любое слово в винительном падеже будет задавать границу этого пространства. При этом граница пространства имеет широкий спектр возможных интерпретаций в семиотическом аспекте в зависимости от синтаксической функции соответствующего слова. Она может быть интерпретирована в терминах «всеохватности». Так,

по мнению А. А. Шахматова, винительный падеж означает, что глагольный признак распространяет своё действие на всю зависимую от него субстанцию [29, с. 314]. Я. Grimm говорил о полном овладении предметом в аккузативе со стороны глагола в предложении [33, S. 646].

Более точно сформулировал семантический инвариант винительного падежа Р. Якобсон. По его мнению, «винительный падеж всегда свидетельствует о том, что какое-то действие до некоторой степени направлено на указанный предмет, сказывается на нем, его охватывает» [31, с. 140]. От фокусировки действия глагола на объекте остаётся всего один шаг до тезиса о пределе пространства, обозначаемого винительным падежом. Об этом, в частности, пусть и с оговоркой, говорит Ю. С. Степанов, постулируя существование «винительного предела», не входящего в систему глагольных перифраз, который имеет особую функцию – функцию ограничения действия [24, с. 146]. Л. Лёнгрэнн, рассматривая предложные конструкции с винительным падежом, определяет данный падеж как «конечную точку перемещения или соприкосновения плюс обязательный физический контакт между этой точкой и передвигаемым объектом» [12, с. 71]. На пространственные характеристики винительного падежа указывает и С. А. Лукин [13, с. 160].

Таким образом, винительный падеж независимо от синтаксической функции слова в предложении всегда будет создавать границу пространственного развития дискурса, задаваемого грамматическими категориями предиката. И если в предложении несколько таких слов, то пространство развития дискурса будет иметь несколько разноприродных границ. Природа этих границ, в свою очередь, определяется уже на семантико-синтаксическом плане предложения. Например, дискурс высказывания *Я читал книгу всю ночь* формирует два предела развития действия, которые задаются элементом (А) *книга* и элемен-

том (В) *ночь*. Таким образом, мы имеем два предела – пространственный и темпоральный. С точки зрения конфигурации дискурса, никакой принципиальной разницы между (А) и (В) не существует. Но семантико-синтаксический анализ высказывания заставляет нас прийти к выводу о том, что первый элемент – объект действия, а второй – обстоятельство. При этом мы выходим из дискурсивного измерения высказывания и попадаем в семиотическое, где и формулируем тезис о двух значениях винительного падежа, реализуемых в данном высказывании: 1) актант, претерпевающий воздействие и изменение вследствие глагольного действия; 2) временной маркер пространства действия.

Заключение

В ходе проведённого исследования были сделаны следующие выводы.

1. Грамматическая категория падежа обладает не семиотической, а дискурсивной природой.

2. Базовая функция падежей – образовывать маркеры существования дискурсивной реальности: пространственный, причинный и целеполагающий.

3. Номинатив, датив и аккузатив представляют собой дискурсивные позиции имён, создающие автономный модус внутренней реальности дискурса и не зависящие от синтаксической функции имён или валентности управляющего глагола. Соответственно, номинатив реализует причинное измерение внутренней реальности дискурса, аккузатив – пространственное, а датив – целеполагающее или интерпретативное.

4. Связь падежных позиций с семантико-синтаксической структурой предложения осуществляется как соотношение денотата (реальности предложения) и значения (его семантической формулы). Таким образом, система значений конкретного падежа не восходит к некоему инварианту, обусловленному исторически или репрезентирующему глубин-

ные семантические структуры. Значения падежей представляют собой совокупность результатов означивания / интерпретации денотата. Они могут проявлять семантическое сходство, но общего инварианта не имеют.

5. Номинатив маркирует причину существования автономной реальности дискурса, что семантически интерпретируется как реализация номинативной функции высказывания. Поэтому номинатив связан с семантическими позициями: подлежащего, несогласованного приложения, выраженного именем собственным, обращения.

6. Датив маркирует целеполагающее измерение автономной реальности дискурса. Он связан с наличием в дискурсе универсальной позиции внутреннего наблюдателя-интерпретанта, с которой семантически соотносятся все многообразные значения датива.

7. Аккузатив маркирует пространственное развитие внутренней реальности дискурса. Семантически значения аккузатива вне зависимости от синтаксической функции имени соотносятся с

пределом действия, обозначенного глаголом.

В заключение следует отметить, что перспективным представляется системное описание падежных значений отдельных языков в логике их дискурсообразующих функций. Исследование соотношения падежных конфигураций и семантических формул словосочетаний целесообразно проводить, используя методику фразообразовательного моделирования для анализа когнитивных метафор, которые возникают при наложении актантно-синтаксической схемы предложения на дискурсивные позиции имён в реальности высказывания. Полученные результаты могут быть использованы при дальнейшей разработке теории синтаксиса, в частности, представить альтернативу теориям формального синтаксиса. В педагогической практике они могут также применяться при чтении курсов общего языкознания, когнитивной лингвистики, теории дискурса и теоретической грамматики.

Дата поступления в редакцию 31.08.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 92–116.
2. Астен Т. Б. Синтактика грамматической категории падежа // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 6. С. 73–81.
3. Валентинова О. И., Рыбаков М. А. Падежные системы тюркских языков южной Сибири (сопоставление с использованием геометрического моделирования) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 2. С. 72–84. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.2.6.
4. Гайденко П. П. Проблема интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистская категория трансценденции // Современный экзистенциализм. М.: Мысль, 1966. С. 77–107.
5. Дрёмов А. Ф. Системная теория падежей и ее место в эволюции взглядов на падеж в лингвистике XX века // Русский язык: исторические судьбы и современность: международный конгресс исследователей русского языка, Москва, 13–16 марта 2001 г.: труды и материалы. М.: МГУ, 2001. С. 164–165.
6. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой; под ред., с предисл. Б. А. Ильиша. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 405 с.
7. Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке (введение в методику позиционного анализа). М.: Изд-во МГУ, 1986. 117 с.
8. Князева Н. А. К вопросу о типологических признаках категории падежа в английской и русской грамматике // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы II Международного научного конгресса / под ред. Е. В. Полховской. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 278–285.

9. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис: Кучково поле, 2001. 270 с.
10. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
11. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 175–203.
12. Лёнгрен Л. Русский предлог *о* с винительным падежом: валентностный анализ // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.467.
13. Лутин С. А. Инвариантные функции русских падежей и коммуникативный прогноз // Міжнародний науковий журнал Інтернаука. 2017. № 1. С. 157–161.
14. Лутин С. А. Система падежных функций в русском языке. Ч. 1. Падежи-генераторы. М.: Де`Либри, 2019. 202 с.
15. Лутин С. А., Алексеева И. К. О дательном падеже, косвенном объекте и «голой направленности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 2. С. 25–32.
16. Лютикова Е. А. Дифференцированное маркирование аргументов в формальных моделях падежа // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. 2017. Т. 13. № 3. С. 11–40.
17. Лютикова Е. А. Падежная морфология, синтаксические категории и проблема классификации падежей // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. 2017. Т. 13. № 1. С. 652–679.
18. Мразек Р. Синтаксис русского творительного. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964. 285 с.
19. Норман Б. Ю. «Необязательный» дательный падеж при русском глаголе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 61–74. DOI: 10.17223/19986645/53/5.
20. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
21. Рожкова А. В. Значения дательного падежа в ранней древнерусской гимнографии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 9 (152). С. 92–97.
22. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович и др. М.: Наука, 1980. 709 с.
23. Рыбаков М. А., Мохаммед М. Х. Морфологическая категория падежа в русском, арабском и донгольском (нубийском) языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 9. С. 320–324. DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.58.
24. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989. 248 с.
25. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. М.: Учпедгиз, 1957. 471 с.
26. Циммерлинг А. В. Автореферентность и классы предикативных слов // Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий / отв. ред. В. В. Казаковская, М. Д. Воейкова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. С. 23–58.
27. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982. С. 277–316.
28. Чилингарян К. П. Грамматика падежа как структурно-семантический инструмент типологии номинативных языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 18 с.
29. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
30. Шахтер П. Ролевые и референциальные свойства подлежащих // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982. С. 317–355.
31. Якобсон Р. К общему учению о падеже // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175.
32. Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework // Step by step. Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik / ed. R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. P. 89–155.

33. Grimm J. Deutsche Grammatik. Viertes Buch. Syntax. Gottingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1837. 964 S.
34. Næss Åshild. Varieties of Dative // The Oxford Handbook of Case / ed. A. L. Malchukov, A. Spencer. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 572–580.
35. The Oxford Handbook of Case / ed. A. L. Malchukov, A. Spencer. Oxford: Oxford University Press, 2012. 960 p.
36. Woolford E. Lexical Case, Inherent Case, and Argument Structure // Linguistic Inquiry. 2006. Vol. 37. № 1. P. 111–130.

REFERENCES

1. Aristotle. [On the interpretation]. In: Aristotle. *Sochineniya. T. 2* [Works. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1978, pp. 92–116.
2. Asten T. B. [Syntactics of grammatical category of case]. In: *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [The Humanities and social sciences], 2017, no. 6, pp. 73–81.
3. Valentinova O. I., Rybakov M. A. [Case systems of Turkic languages of Southern Siberia (comparison with geometric modeling)]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 72–84. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.2.6.
4. Gaidenko P. P. [The problem of intentionality in Husserl and the existentialist category of transcendence]. In: *Sovremennyy ekzistentsializm* [Modern existentialism]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, pp. 77–107.
5. Dremov A. F. [The system theory of cases and its place in the evolution of views on case in linguistics of the XX century]. In: *Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost': mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka, Moskva, 13–16 marta 2001 g.* [Russian language: historical fate and modernity: international congress of researchers of the Russian language, Moscow, March 13–16, 2001]. Moscow, Moscow State University Publ., 2001, pp. 164–165.
6. Jespersen O. *The philosophy of grammar* (Rus. ed.: Passek V. V., Safronova S. P., transl. *Filosofiya grammatiki*). Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1958. 405 p.).
7. Klobukov Ye. V. *Semantika padezhnykh form v sovremennoy russkom literaturnom yazyke (vvedeniye v metodiku pozitsionnogo analiza)* [Semantics of case forms in the modern Russian literary language (introduction to the method of positional analysis)]. Moscow, Moscow State University Publ., 1986. 117 p.
8. Knyazeva N. A. [On the issue of typological features of the category of case in English and Russian grammar]. In: *Inostrannaya filologiya. Sotsial'naya i natsional'naya variativnost' yazyka i literatury: materialy II Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa* [Foreign Philology. Social and national variability of language and literature: materials of the II International Scientific Congress]. Simferopol, IT «ARIAL» Publ., 2017, pp. 278–285.
9. Krasnykh V. V. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory]. Moscow, Gnozis Publ., Kuchkovo pole Publ., 2001. 270 p.
10. Kubryakova Ye. S. *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochkoy zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to obtaining knowledge about the language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p.
11. Kurilovich Ye. [The problem of classification of cases]. In: *Ocherki po lingvistike* [Essays on linguistics]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1962, pp. 175–203.
12. Lonngrén L. [The Russian preposition o with the accusative case: a valency analysis]. In: *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2020, vol. 42, no. 3, pp. 71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.467.
13. Lutin S. A. [Invariant functions of Russian cases and communicative forecast]. In: *Міжнародний науковий журнал Інтернаука*, 2017, no. 1, pp. 157–161.
14. Lutin S. A. *Sistema padezhnykh funktsiy v russkom yazyke. Ch. 1. Padezhi-generatory* [Case functions system in Russian. P. 1. Case generators]. Moscow, De`Libri Publ., 2019. 202 p.
15. Lutin S. A., Alekseeva I. K. [On the dative case, indirect object and “naked direction”]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2011, no. 2, pp. 25–32.

16. Lyutikova Ye. A. [Differential argument marking in the formal theories of case]. In: *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 2017, vol. 13, no. 3, pp. 11–40.
17. Lyutikova Ye. A. [Case morphology, syntactic categories and taxonomy of case forms]. In: *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 2017, vol. 13, no. 1, pp. 652–679.
18. Mrazek R. *Sintaksis ruskogo tvoritel'nogo* [Syntax of the Russian instrumental case]. Praha, Státní pedagogické nakladatelství, 1964. 285 p.
19. Norman B. Yu. [The “redundant” dative case with the Russian verb]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2018, no. 53, pp. 61–74. DOI: 10.17223/19986645/53/5.
20. Peshkovskiy A. M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 544 p.
21. Rozhkova A. V. [Meanings of the dative case in the early old Russian hymnography]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2020, no. 9 (152), pp. 92–97.
22. Bryzgunova Ye. A., Gabuchan K. V., Tsikovich V. A. et al. *Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis* [Russian grammar. Vol. 2. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 709 p.
23. Rybakov M. A., Mohammed M. Kh. H. [Morphological category of case in the Russian, Arabic and Dongolawi (Nubian) languages]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2020, vol. 1, no. 9, pp. 320–324. DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.58.
24. Stepanov Yu. S. *Indoyevropeyskoye predlozheniye* [Indo-European proposal]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 248 p.
25. Fortunatov F. F. *Izbrannyye trudy. T. 2* [Selected Works. Vol. 2]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 471 p.
26. Zimmerling A. V. [Autoreferentiality and classes of Russian predicatives]. In: *Problemy funktsional'noy grammatiki: Otnosheniye k govoryashchemu v semantike grammaticheskikh kategoriy* [Problems of functional grammar: Attitude to the speaker in the semantics of grammatical categories]. Moscow, Izdatel'skiy Dom YASK Publ., 2020, pp. 23–58.
27. Chafe W. [Data, contrast, certainty, subject, topics and point of view]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 11. Sovremennyye sintaksicheskiye teorii v amerikanskoy lingvistike* [New in foreign linguistics. Iss. 11. Modern syntactic theories in American linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1982, pp. 277–316.
28. Chilingaryan K. P. *Grammatika padezha kak strukturno-semanticheskiy instrument tipologii nominativnykh yazykov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Case grammar as a structural and semantic tool for the typology of nominative languages: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2022. 18 p.
29. Shakhmatov A. A. *Sintaksis ruskogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 624 p.
30. Schachter P. [Role and referential properties of subjects]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 11. Sovremennyye sintaksicheskiye teorii v amerikanskoy lingvistike* [New in foreign linguistics. Iss. 11. Modern syntactic theories in American linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1982, pp. 317–355.
31. Jacobson R. [On the general doctrine of the case]. In: Jacobson R. *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 133–175.
32. Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. In: Martin R., Michaels D., Uriagereka J., eds. *Step by step. Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Cambridge, MA, MIT Press, 2003, pp. 89–155.
33. Grimm J. *Deutsche Grammatik. Viertes Buch. Syntax*. Gottingen, Dieterichsche Buchhandlung, 1837. 964 S.
34. Næss Åshild. Varieties of Dative. In: Malchukov A. L., Spencer A., eds. *The Oxford Handbook of Case*. Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 572–580.
35. Malchukov A. L., Spencer A., eds. *The Oxford Handbook of Case*. Oxford, Oxford University Press, 2012. 960 p.
36. Woolford E. Lexical Case, Inherent Case, and Argument Structure. In: *Linguistic Inquiry*, 2006, vol. 37, no. 1, pp. 111–130.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чикина Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Педагогического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;

e-mail: despoyna@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena E. Chikina – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, The Pedagogical Institute, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs;

e-mail: despoyna@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чикина Е. Е. К вопросу о специфике падежей автономного модуса дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 51–65.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-51-65

FOR CITATION

Chikina E. E. On the specificity of the cases of autonomous discourse modus. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp. 51–65.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-51-65